

Редакционная коллегия и Редакционный совет журнала *Stephanos* с прискорбием сообщают о внезапной скоропостижной кончине одного из авторов журнала профессора филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Марии Геннадьевны Безяевой. Мария Геннадьевна Безяева была ярким, талантливым ученым, замечательным педагогом, благородным и отзывчивым человеком. Приносим искренние соболезнования ее родным, близким, друзьям и ученикам.

Земля – Космос

Когда ты абсолютно доволен собой, то это уже всё, конец! Вообще вот это вот – в любом деле – независимо – водитель ты будешь, ученый ты будешь, не знаю, колхозник ты будешь, – не важно кто, но если ты доволен всем и вся и дальше не хочешь развиваться, всё, это смерть. Поэтому вот это чувство недовольства собой, оно свойственно любому человеку, который ну хоть в какой-то мере... Не только нравственный камертон, но и профессиональный камертон – это должно быть в личности человека – вот это *НЕ*довольство собой. Когда всё хорошо, когда я гений – всё. Или когда я... всего добился, это уже катастрофа, это, в общем, моральная смерть.

М.Г. Безяева

Кто-то сказал, что хороший научный руководитель, настоящий наставник – это как ракета-носитель, которая быстро выводит вас на орбиту серьезного научного поиска. Безусловно, это в полной мере относится к Марии Геннадьевне. И когда я думала над содержанием этой короткой заметки, мне ничего другого не пришло в голову, кроме как рассказать, каким образом мы, ученики Марии Геннадьевны, так быстро вышли в космос.

Мария Геннадьевна говорила, что все научные озарения настигают ее почему-то в двух местах – или среди дикой природы, в лесу, или в общественном транспорте. Вот такая антонимичность: или в самой гуще природы, или в гуще толпы.

Сценки в транспорте еще постоянно давали пищу для ума. «Еду в троллейбусе, едет группа студентов – молодые люди, девушки, – рассказывала М.Г. – Вдруг на остановке заходит молодой человек, по-видимому, из одной с ними компании, и ясно, что он никак не ожидал их здесь встретить. И вот он видит их и говорит: “Божественно!”» И она тут же развертывала рассуждение о проникновении номинативных средств оценки в молодежную речь, о всевозможных семантических сдвигах и связанном с ними комическом эффекте и так далее.

М.Г. вспоминала, что когда она была маленькой и только-только училась говорить, вся их семья куда-то должна была ехать, и вдруг за ними прикатил очень красивый автомобиль (то ли «Чайка»... какая-то по тем временам роскошная машина); и М.Г., тогда совсем крошечная девочка, громко, во всеуслышание, прочувствованно сказала: «Вот это машина! Вот это я понимаю!» М.Г. рассказывала это семейное предание и смеялась: «Так что любовь и интерес к коммуникативному уровню у меня были с самого детства, всегда». Семантика коммуникативного уровня так и пронизывала в дальнейшем всю ее жизнь: «Представляете, говорю по телефону с N, и она меня спрашивает: “А почему бы вам не выступить на таких-то чтениях?” Я говорю: “Нет, ну, конечно я могла бы выступить на этих чтениях...” А она мне: “Постойте-ка. Вот здесь сейчас почему у вас была ИК-7?” Ну, не могла же я сказать: “А это оттого, что моя позиция резко расходится с вашей, N, позицией и с позицией организаторов этих чтений...”! Ну, как-то выкрутилась, что-то наплела... Да-а, прямо за руку она меня поймала». Как-то М.Г. пересказала историю из телепередачи про то, как русские люди починили забарахлившую в пути машину с помощью подручных средств: что-то там подвязали колготками, подперли веточкой, скрепили спичкой, иностранцы только диву давались, – и с жаром продолжила: «Но у нас ведь и коммуникативный уровень языка так же устроен! Что такое знаменитая русская смекалка? Это умение использовать один предмет вместо другого, случайный предмет в совсем не подходящей ему функции. Так мы же привыкли к этому в языке! Когда совершенно разноплановые единицы, разной природы вообще единицы могут быть вдруг использованы для передачи одной и той же семантики! Хватаешь что под руку попало – и приспособливаешь...». В быту ее окружали метафоры языковых явлений.

Всякий разговор с М.Г., всякая встреча (даже на ходу, не говоря уже о целой консультации) имели одну особенность: они всегда пробуждали вдохновение, острый научный интерес и порождали желание немедленно засучив рукава взяться за дело и двигать науку. Уверена, что получалось это само собой, то есть М.Г. не ставила перед собой задачи поддать заленившемуся дипломнику виртуального пинка: она просто говорила о том, что очень интересовало в тот момент ее саму – и поток бешеной энергии подзаряжал всех, кто оказывался рядом.

М.Г. была совершенно убеждена, что человек, однажды соприкоснувшийся с наукой и затем от нее отошедший (по финансовым, семейным или иным причинам), непременно будет горько сожалеть об этом (откровенно или в глубине души – не важно). Пламенно убеждала всех толковых учеников ни в коем случае не бросать науку. Научное общение с М.Г. было чрезвычайно притягательно в силу огромной объяснительной силы ее теории. (Кто-то из западных – кажется, немецких – коллег говорил, что сколько он ни читал различных версий того, с чем связаны совершенный вид и будущее время глагола во фразе «Редкая птица долетит до середины Днепра», единственное приемлемое и снимающее все вопросы объяснение – это трактовка Безяевой). Очень часто она давала исчерпывающие ответы на казавшиеся уже безнадежными вопросы о языке; в свое время она буквально на бегу, в коридоре, разрешила несколько таких моих «застарелых» вопросов (после чего я прямо на 4-м курсе перешла в ее семинар, мгновенно оставив всё, чем занималась до этого. Знаменательно при этом было еще и то, что у М.Г. в ту весну было 17 дипломников и она, мягко говоря, очень торопилась, я же во время той беседы в коридоре была «случайным» человеком, просто одной из студенток-вечерниц).

Если дипломная работа или диссертация ученика была связана с каким-нибудь неизвестным Марии Геннадьевне языком, она не только вскоре начинала с прекрасным произношением воспроизводить по памяти при надобности целые фразы на этом языке (это само собой), но и на основании каких-нибудь минимальных данных проникательно говорила: «Ну, видимо, у вас там в ирландском гэльском / языке иттис / оджибуэй то-то и то-то?» (тут же называла не очень распространенную типологическую особенность и попадала в точку). Впервые услышав о некоем языковом явлении и тут же рассмотрев его с высоты птичьего полета, она вписывала его в значительно более широкий лингвистический (а иногда и культурный) контекст, чем тот, о котором сам студент, владеющий искомым языком, мог бы подумать, размышляй он хоть сто лет. («Что? Кореец никогда не скажет “Какая же ты красивая!”», кореец скажет “Ты действительно красивая”? Видимо, дело в том, что у корейцев, китайцев и других околобуддистских наций норма – это высшее благо. Там нельзя похвалить человека, сказав ему: “Ты отклоняешься от нормы”. Хочешь похвалить, говори, что он наиболее полно соответствует норме, идеалу, Будде. А у нас, русских, как раз наоборот – маркируется отклонение от нормы. И часто это может быть отклонение от нормы в лучшую сторону»).

Вначале М.Г. не запоминала наши имена, а годами называла нас по темам курсовых работ. Так и говорила: «А где же наш упрек в русском и немецком?» (вместо «Где Оля Розова?») или «А как же телефонный разговор в русском и шведском?» (вместо: Алена Мельниченко). В то время мы собирали и описывали вариативные ряды структур, проводили сопоставление. Я, соответственно, долгое время была «оценкой в русском и ирландском», а Ольга Чалова (тогда Великоборцева), занимавшаяся ролями Табакова, – и вовсе «котом Матроскиным». Это всё было совершенно не обидно, а, напротив, создавало рабочую атмосферу. Помню, когда у меня уже готова была диссертация, были первые публикации, М.Г. как-то при мне назвала кому-то мою фамилию и не ошиблась; таким образом я поняла, что, по-видимому, прорвалась на какой-то новый уровень.

Работа в области семантического коммуникативного анализа не просто меняет угол зрения на языковую систему – она переворачивает все представления о языке, это как вынуть глаза и мозги и вставить новые. Если это сделано достаточно рано, до того, как в душе человека успели укорениться какие-нибудь традиционные филологические убеждения, дальше всё пойдет как по маслу. Если же опоздать с этим, то преодолеть барьер косности будет чрезвычайно сложно. «Мы делаем ставку на молодежь, – говорила Мария Геннадьевна. – Второкурсники прямо влет все это схватывают, и уже смотрят на русский диалог нашими глазами, и задают адекватные вопросы». Среди коллег же опасения быть принятыми за сумасшедших рефреном сопровождали каждый наш новый шаг, каждое предстоящее нам выступление: «Вопрос о частеречной принадлежности единицы на коммуникативном уровне нерелевантен. Но вы представляете, какова будет реакция на это?»; «Нда, уже вижу лица слушателей, когда я скажу, что в междометии *мг* (*угу*) *м* – одна единица, а *г* – другая, и каждая со своим инвариантным параметром, которые они реализуют также и в других условиях. Прямо оттуда меня в сумасшедший дом и увезут»; «Про семантику русских сакральных единиц не знаю, как буду докладывать, но... так и скажу, как есть»; «Ну да, выбор коммуникативных средств может менять жанр фильма! А что делать? Это так и есть»; «Представляю, что начнется, когда я скажу, что русское *по-* связано с бенефактивностью! Хотя... коллеги уже привыкли». Само словосочетание *звучащий язык* в названии ее книги было революционным. Оно и сейчас многим непривычно.

Язык – это язык, а если «звучащая» – тогда уж речь. Но М.Г. настаивала на том, что обсуждать системное устройство языка можно только при учете звучания.

Однажды я, описывая тип безумца в кино, излагала Марии Геннадьевне примерно следующее: «Марья Лебядкина в “Бесах”, Павлик из фильма “Мой сводный брат Франкенштейн”... Человек находится в своем внутреннем мире, ориентируясь на свою индивидуальную норму и игнорируя норму социума. Чем больше он “продавливает” свою норму, заставляя других ей подчиняться, тем более сумасшедшим он нам кажется... Вот то, что играет Алла Демидова в “Бесах”, – это безумно похоже на уже описанных волшебников в детском кино. Все те же приемы. Игнорирование внешней нормы полное, хоть кол на голове теши. Все на них смотрят или с ужасом, или с сожалением, а они, такие довольные, хихикают... Совершенно счастливы». М.Г. тут же преспокойно заметила: «Так это же мы! Это на нас все смотрят или с ужасом, или с сожалением, а мы безумно довольны и совершенно счастливы в своем внутреннем мире, причем мы ничего, естественно, не замечаем, кроме этого своего внутреннего мира. Радуемся себе... Ориентированы только на свою индивидуальную норму». Нельзя было не признать ее правоту.

Мария Геннадьевна была человеком бесконечно далеким от честолюбия, стремления «сделать себе имя в науке» и чего бы то ни было в этом роде, что, к счастью, передалось и всем нам. Перед защитой докторской диссертации она говорила нам: «Только ради вас! Вот только и исключительно ради вас я на это пошла!» (Наверное, чтобы «прикрывать» нас в случае каких-нибудь неурядиц). Когда кто-нибудь без спроса заимствовал ее материал или идеи, она, смеясь, говорила: «Да пусть берут, не жалко! У меня этих идей и этого материала СТОЛЬКО!.. Ну, возьмут они мои примеры – а как они их протракуют?» И действительно: в любой момент она являла собой фейерверк идей, иной раз так, «в проброс», в следующих друг за другом трех фразах предваряла разработку трех новых научных направлений. Даже представить себе невозможно, чтобы М.Г. потребовала от кого-нибудь из учеников указать ее как соавтора работы. Зато идеи чужого авторства М.Г. неукоснительно атрибутировала. Однажды, прочитав очередной фрагмент моей дипломной работы, М.Г. пришла мрачнее тучи, отвела меня в сторону и заговорила: «Вы знаете, я, честно говоря, даже не знаю, как вам и сказать...» Я уже заподозрила, что, наверное, в тексте всё ересь и путь ему в корзину для бумаг. Как оказалось, дело было в том, что в одном месте я по неосведомленности приписала было Марии Геннадьевне одно из научных открытий, принадлежащих Елене Андреевне Брызгуновой.

Так получилось, что все мы, занимаясь современным русским звучащим диалогом и постоянно настроенные на сбор полевого материала, часто носили с собой диктофоны и записывали диалоги окружающих едва ли не круглосуточно. Поэтому очень многое из «разговоров в кулуарах» естественным образом фиксировалось. Перебирая эти записи, видишь, что М.Г. всегда умела, отправляясь от какого-нибудь мелкого повода, двумя-тремя штрихами наметить колоссальные перспективы для работы и приоткрыть какие-то небывалые горизонты. Например, как-то она мимоходом пожаловалась мне на то, что традиционно мало времени отводится для доклада, и сказала: «Что можно рассказать о нашем направлении за двадцать минут? Я попробую показать историкам литературы, как полезно для них было бы владеть нашим методом. Вы знаете, меня действительно поражает это: люди не понимают, насколько много они теряют, – ведь это могло бы перевернуть всё литературоведение, поднять все их исследования на совершенно другой уровень. (...) Ведь если бы только они посмотрели на свой

материал с точки зрения коммуникативного анализа! Сколько там открытий! Там же ничего не сделано! А сколько можно сделать! Когда я увидела, как Пушкин в “Пиковой даме” нанизывает разные *что* в речи графини, мне аж плохо стало. Он явно нарочно это делает, он ими играет, наслаждается, его это совершенно точно забавляет: ну, он одно за одним лепит *что*, всё время с разным развертыванием инварианта! Ну ясно же, что это не случайно, он видел это, у него было это лингвистическое чутье. У него просто было блестящее чувство языка, которое позволяло такие вещи делать. А если это всё проанализировать? То есть мы-то это и так анализируем, мы можем это всё показать и доказать, а вот что бы историкам литературы нашим для себя это тоже начать учитывать? Это метод, который открывает перед ними, именно в их области, столько возможностей! А если бы они посмотрели коммуникативный уровень у Лермонтова в диалогах, у Достоевского? Вы понимаете, что было бы? Сколько бы это дало конкретного, совершенно нового для них материала по характерам, по взаимоотношениям героев, – материала совершенно объективного, не догадок, не спекуляций? Основанного на анализе коммуникативных средств? Ведь в фильмах по классике что происходит? Да, актер проходит по тексту сценария, вносит звучание, создает свою речевую дорожку. Но сначала ему эту коммуникативную дорожку прописывает Пушкин или Достоевский! Каждый писатель делает это по-своему, у каждого есть свои излюбленные средства, с которыми он работает, свои стратегии, тактики, ведь это же о писателе самом очень много говорит! Это бездна информации о самом Достоевском или о ком там. А нашим литературоведам это всё невдомек. Они же сто лет уже занимаются чем угодно, только не этим. Вы понимаете, какие горизонты открываются, если применить коммуникативный анализ к литературным произведениям? Вот как бы до них это донести?..» Фактически здесь сжато предсказывается возникновение такого научного направления (которое и начинает сейчас создаваться мало-помалу), как семантический коммуникативный анализ письменного художественного текста.

Тем из нас, кто, защитившись или подойдя вплотную к защите, обретал уже некую самостоятельность, М.Г. старалась придать независимость, настроить на собственную работу без оглядки на ее мнение – в общем, намекала, что пора уже расправить крылья и пуститься в полет, и только очень деликатно обозначала некие наиболее крупные вешки на предстоящем пути. Но и в бытность нашу неоперившимися птенцами-студентами, когда мы все до единого определения, весь инструментарий, все базовые идеи получали из ее рук, она усиленно внушала нам уверенность в себе («В науке надо уметь держать удар»), и когда я однажды уныло сказала о каком-то высоком ученом собрании: «Ну как я там выступлю?.. Там будут такие киты...» – М.Г. тут же бодро парировала: «Ну и что, что киты? Ну, киты. А вы – китенок!»

В речи Марии Геннадьевны часто проскальзывали упоминания о будущем. «Ну, это уже кто-нибудь там, после нас, в будущем»; «Ну, это мы оставим для будущих поколений русистов – надо же им что-то делать!» «КОГДА я это буду делать? – с горечью говорила она. – Когда? *На пенсии??*» «Конечно, этот материал нужно преподавать актерам! Кстати, они как знали: прямо рядом с моим домом построили здание ГИТИСа... нет, ну, конечно, это уже не мы, не мы, это пусть молодежь, в будущем...».

Каждый год в конце августа Мария Геннадьевна возвращалась не просто с новыми научными идеями, но после прорыва на очередной новый уровень: исследова-

ние шло семимильными шагами, два летних месяца каждый раз приносили взлет на принципиально новую высоту («Оказывается, русские междометия как таковые не описаны. То, что мы знаем, – это даже не верхушка айсберга, для 90 процентов из них не разработан даже общепринятый способ записи, то есть переносить их на бумагу мы не умеем. Нет, я могу, конечно, их просто затранскрибировать, но...»); «Да, мы можем говорить об эстетике знака с опорой на коммуникативную семантику»; «У меня практически готов словарь русских коммуникативных средств, осталось там чуть-чуть кое-что уточнить...»). Когда наконец кристаллизовалась идея семантических коммуникативных полей: «Я знаю, что меня не поймут, это же выглядит как сумасшествие, но что делать, если это вытекает из анализа материала!»

И лето 2017 года – это первое лето, после которого не будет шквала новейших научных открытий, не будет ослепительного прорыва... после которого нам предстоит взлетать уже самим.

Анна Коростелева

From Earth to Outer Worlds